

Радек кидал листья в пенящиеся волны реки, размышляя о времени. В этих краях давно не происходило привычных для человека событий. Ледяные берега с голубоватым снегом, собранным в белые стога, размывали границу между водой и землёй. Казалось, здесь хранились печати времени. Никто не забредал сюда даже случайно. Новорождённый ветер испускал со свистом первый вздох, разгоняясь до урагана, и устремлялся в привычные человеку пространства. Всё казавшееся правильным там, в городах и селениях мира, было лишь семенем здесь. Самых разных размеров семена цеплялись за течение, исчезая за первой излучиной горной реки. Только Радек знал их будущий цвет и вкус. Он любил наблюдать, как они, оказавшись в холодных хрустальных водах, уплывают за поворот, не сталкиваясь друг с другом.

Будучи отшельником уже много лет, Радек видел подлинную красоту в этом размеренном круговороте природных стихий. Семена растений – это почти как семена чувств. Горечь должна прорасти и оставаться горечью какое-то время, а тихая радость не может в мгновение ока забить в душе фонтаном бездумных страстей. С высоты горных перевалов мир казался бурным морем, а все отчаливающие в лодках с берегов – точками в кипящей воде. Люди всегда искали берег, не понимая, что берег не спасёт от волн, если встать на самом краю бури.

Волны накатывали и накатывали одна за другой, словно механические часы, отмеряющие промежутки между глубокими вздохами ветров. Время, казалось, прикрывало мнимым постоянством случайностей безусловный финал человеческой истории, и этим мнимым и были волны. Путешествие по океану за границы видимого до края вечности привлекало многих авантюристов. Вечного в понимании этих путешественников можно достичь и на дырявой лодке, тонущей на середине бурной реки. А некоторые просто останавливались где-то на повороте течений, превратив борьбу с течением в жизнь.

Радек любил размышлять таким образом, понимая, что мысль полна и истинна только тогда, когда чувства осязают не кусочек времени, а его поток от начала и до конца, учитывая и вес маленькой травинки, и взмах крыльев невесомой бабочки где-то на краю равнинной поляны у подножия старой ветхой осины. Затворников, отшельников и юродивых земной мир перемен не ласкает так, как своих временных фаворитов – баловней судьбы. Отшельничество – это призвание вечности, инакомыслие успеху и хромированным поверхностям пространства роскошной агонии тела. Никто пока что не убежал от последнего вздоха, но выдох в иное пространство пугал многих. Человечество заворачивалось со страхом в безликий комфорт только ради того, чтобы не вспоминать о конечности бытия.

В это время где-то внизу, у края глубокого озера, там, где горная река впадает в прозрачные холодные воды, скатываясь с заснеженных склонов, молодая пара пыталась завести заглохший мотор. Мужчина в пиджаке от Kiton ковырялся в капоте, а женщина всматривалась вдаль. Потухший взгляд серо-голубых глаз загорелся на мгновение, но красоты озера хватило лишь на несколько минут нетерпеливого трепета сердца.

– Я устала от здешних ветров, они пронзительны и тоскливы.

– Выпей успокоительное и наслаждайся жизнью! Дай мне разобраться в том, что случилось с мотором!

Радек видел эту пару в первый раз, но его поразила отчуждённость двоих. Они ехали на одной машине, шли одним путём, но в разные стороны. Так бывает, когда соль отношений вымывается и теряет вкус, тогда даже обиды не ранят, а оставляют горькую пустоту. Радек видел, как по ветру понесли семена амброзии для обоих и бледно-жёлтого нарцисса для мужчины. Колочий ветер закинул часть под капот, а маленькое семя амброзии попало в глаза женщины.

– Ой, – вскрикнула Марго, – что-то попало в глаз!

– Надень очки! Поднимается пыльная буря!

Я сам устал протирать глаза от пыли.

Наступило молчание, привычное обоим.

Женщина нервно просматривала свою ленту в Instagram, любясь платьем от Monique Lhuillier, приобретённым по случаю на одной из распродаж в Нью-Йорке. Читатели ленты выражали неизменный восторг от новых нарядов Марго, снятых на качественную камеру на самых престижных модных тусовках. Сама Маргарита прилагала все силы, чтобы соответствовать созданному виртуальному образу.

Муж женщины занимался оптовыми поставками самого разнообразного барахла в собственную же розничную сеть. Жизнь казалась стабильной и монотонной, как часто бывает у тех, кто не испытывает нужды. От достатка начинает подташнивать сначала по вечерам, потом и утренний кофе теряет привычный терпкий аромат, ну а на завершающей стадии начинается вселенская тоска о подлинном бытии, которое почему-то путают с комфортом или острыми ощущениями. Многие начинают тихо спиваться, некоторые пытаются придать остроту банальному чувству пресыщенности, прыгая со скал где-нибудь на острове Краби в Таиланде ради острой сопричастности полёту или победы над страхом, который им никогда не победить в этом телесном плену. Иные гоняют по ночным городам на запредельной скорости на дорогах авто ради того, чтобы огоньки уличных витрин превращались в гигантские растянутые солнца на пути к мифической славе новых титанов, выбравших превосходство материи над духом в глупом размыкании контактов с теми, кто чуть ниже, или с теми, кто живёт в ином измерении достатка. А кто-то просто пускается во все тяжкие. Но подлинная жизнь ускользает с завидным постоянством от всех, оставляя в голове тяжёлое похмелье и горьковатый привкус пустоты, незавершённости того, что не может быть завершённым в их материальных координатах успеха.

– Дорогой, там, на горе, виден силуэт мужчины! – Марго буквально подпрыгнула от неожиданности.

– Ну и что? Здесь наверняка встречаются и туристы, и местные жители. И что с того?

– А то, что человек стоит на остром крае скалы и просто смотрит вдаль!

– Тебя это удивляет?

– Разве это не странно?

Радек знал, что общение с Богом происходит не приметно для громогласного мира. Это не странные голоса в голове, а тишина, которую можно услышать в себе как чуткий и сострадательный к чужой боли призыв.

Подлинные чувства не похожи на их привидения, это не таинственный шифр на листках ва-

шей надежды и не бурная радость от новой шмотки «haute couture». Описание этих чувств похоже на воспоминание языка Адама в раю. Счастьем может быть и то, что многие принимают за досадную неприятность. Например, ожидание встречи, растянутое на многие года. Ведь это и есть верность, неведомая ветрам непостоянства. Их дуновения дарят лишь мимолётную сопричастность жизни, вырывая то, что и не успело дать настоящие корни.

– Дорогой, этот мужчина меня пугает, мне кажется, что он смотрит в наше будущее!

– Наше будущее находится в наших же руках! Не стоит драматизировать события, Марго! Ты всё преувеличиваешь!

– Он бросает вызов нашему миру! – в этот момент Марго нервно сжала тонкие пальцы, и острые алые коготки впились в ладонь.

Бессознательно люди всегда ждали встречи с подлинным, но подлинное начало жизни – это боль рождения и первый вздох, сопровождаемый плачем младенца. В этой боли нет ничего от комфортного прозябания в утробе современных стеклобетонных человекоидов, затягивающих большинство в бесполезные блуждания по лабиринту собственных же иллюзий счастья, привязанного к материальной оболочке тела. Но Марго никогда не искала подлинного. Бессознательная тоска по первому детскому плачу порой накатывала на неё, но, как и многие «воительницы» мегаполисной тусовки, она предпочитала банальный шопинг чтению книг, визит к парикмахеру заменял ей тысячи океанских всплесков и недоумение от полотна спиральных галактик на плоскости неба цвета индиго. Маргарита проживала поддельную жизнь, поэтому всё, что не вписывалось в гляцевую шелуху успеха, отметалось с негодованием. Её пугали нищие старики и убогие калеки, печальные лица, плач одиночества и морщины в уголках глаз. Но, как и многие её друзья, она пыталась откупиться от участи неудачников, переводя деньги в благотворительные фонды. Титаническим усилием воли Марго старалась казаться беззаботной, чтобы не прослыть занудой в глазах друзей по поиску обязательной лёгкости бытия.

Радек видел всё это сердцем. В её нервной манере общения и резких жестах проступала целая человеческая цивилизация, бытие, съеденное социумом. Женщина отражала все стадии неудовлетворённой страсти и обиженного тщеславия, как зеркало отражает интерьер захламливаемой тесной кладовки.

– Ты скоро? Нам не нужно было отправляться в это бессмысленное путешествие вокруг озера. Все дороги ведут здесь только в горы, но они так холодны и пустынно! Давай вернёмся в отель и проведём там спокойный вечер,

наслаждаясь уютом и молодым игристым вином. И потом, ты сам сказал, что твои партнёры по бизнесу уже приехали на отдых! Я не прочь завести полезные знакомства!

В этот момент со скалы, на которой стоял Радек, слетела пара беркутов. Птицы привычно парили на восходящих потоках тёплого воздуха, осматривая округу. Неожиданно одна из них вошла в пике и устремилась прямо по направлению к растерянной Марго. Птица падала вниз, словно камень. На мгновение Марго показалось, что и она проваливается в какую-то временную воронку. У неё закружилась голова и неожиданно из памяти выплыл один миг из позабытого детства. Она бежала по деревянному мостику, чтобы прыгнуть в озеро. Маргарита не умела плавать, но хотела доказать всем, что сможет выплыть вопреки слабости, которую упрямый характер не хотел принимать. Где-то в глубине трепетного сердца пульсировал страх или предчувствие присутствия чего-то невыразимо незримого на пределе собственных слабых сил. Это была точка нетождества той лжи и позёрству, которые предлагал мир как мгновенное и бессмысленное торжество. Торжество всегда заканчивалось провалом в собственную не удовлетворённую мгновением гордыню. Запущенные во времени круги неизменно возвращались в точку падения камня, но не находили покоя, распускаясь новой рябью волн.

– Марго, что с тобой?

– Я вспомнила одно событие из своей жизни, – Марго всматривалась ввысь, пытаясь разглядеть в лучах солнца гигантскую пугающую птицу. Она напоминала женщине неумолимую судьбу, расправившую крылья над путями мира. – Я всегда верила в себя, ты знаешь. Но здесь, в этих горах, где на отвесных скалах стоят странные люди, а с вершин срываются птицы, мне кажется, что время не принадлежит нам.

– Что с тобой случилось, дорогая?

– Я вспомнила, как однажды ударилась о дно водоёма, прыгая с моста в озеро. Я не умела плавать, но этого, как оказалось, и не нужно было делать. Озеро в районе моста оказалось мелким. Я расцарапала о песок и мелкие камушки ладони, локти, колени, лицо. Боль казалась мне невыносимой, но вернула к самой себе. Это звучит странно?

– Посмотри, птица снова взмывает вверх на потоках воздуха. Она точно рисует крыльями радость, или свободу, время вне плена земного тяготения.

– С нами происходит что-то странное! Мы говорим глупости, пора возвращаться в отель. Я соскучилась по суете!

– Пожалуй, ты права. Ничто так не отвлекает от размышлений, как суета. Мы здесь чужие! А этот странный созерцатель исчез.

– Наверное, он улетел, как и эти птицы, в поисках какой-то своей правды. Одиночки всегда ищут

правды, забывая о времени, приковавшем их разум к стареющему телу.

Радек спускался по тропинке вниз, прямо к реке. Он всегда знал, что ветер, разгоняясь до самых вершин, слетает вниз лавиной. Этот снежно-грязевой ком покорной физическим законам материи, казалось, невозможно остановить. Так происходит и с горными реками, напитавшимися дождевой водой. Широким потоком они врезаются в скальные породы, подтачивая камень. Но наступает минута тишины – и мир забывает о бурях и бушующих горных реках. Так и эти двое, вернувшись в отель, охлаждаются к осмысленному разговору. Новая реальность городов ловко подсовывает разуму пластиковый мусор бессмыслицы как повод наслаждаться жизнью. Жизнь проходит, но никто этого не замечает, как не замечают люди пустых глазниц столетий-манекенов, рекламирующих забвение в бесчисленных и однотипных «храмах» потребления.

Отсюда, с высоты, недостижимой для человеческих страстей, очень хорошо видны изгибы судьбы, запутанные лабиринты заблуждений и узкие тропинки, ведущие к истине и пробуждению. Нет, мир определённо не питает симпатий к одиночкам, юродивым и отшельникам. Они опровергают законы комфорта, вываливаются из штампованного потребительского счастья и тянут за собой уснувший разум обывателя с этого корабля дураков, который уже давно никуда не плывёт и прирос днищем к глинистой почве где-то на излучине пересохшей реки. Первый же дождь смывает безумцев в океанический шторм.

Маргарита пришла в себя только в отеле, столкнувшись в лобби-баре с московской знакомой. Её подруга обладала поразительной способностью разговаривать ни о чём часами. Именно этого не хватало Марго сейчас, после соприкосновения с иным миром. Её до сих пор трясло от воспоминаний о лавине, которая внезапно сорвалась с вершин подпирающих небо гор. Уже отъезжая от этого странного места, она неожиданно расплакалась.

– Что с тобой? – Сергей с трудом удерживал машину от заноса, уезжая прочь от странного места по извилистой дороге.

– Мне кажется, кто-то дотронулся до моего сердца ключиком, приоткрыв ящичек воспоминаний. Странное чувство. Я как будто жила вне себя и собственного настоящего, но внезапно проснулась и почувствовала боль, вернувшую мне настоящее. Оказалось, что я совсем и не жила, а лишь путешествовала по лабиринтам собственных иллюзий.

– Я не понимаю тебя, ты никогда так не разговаривала со мной. Забудь этот берег, и гору, и того чудака, что бродит по ней.

Марго обрадовалась своей старой знакомой. Вдвоём они прошли к бару, обсуждая окружающие

вещи и затерявшихся среди них людей. Мир закрылся вокруг привычной суеты. Где-то в горах продолжал грохотать. Начинался снегопад, но в отеле стоял гул от голосов многочисленных гостей.

– Ты помнишь себя в детстве? – Маргарита преврала живой монолог Натальи. Девушка вздрогнула от неожиданности. – Сегодня я открыла для себя одиночество.

– Зачем усложнять свою жизнь глупыми вопросами? Разве судьба не выбрала нас избранницами? Так можно и заразиться одиночеством, превратившись в неудачницу. Тебя перестанут приглашать на вечеринки, Марго. Я не ожидала от тебя таких мыслей.

– Пожалуй, ты права, хватит хандры! – Марго пригубила бокал французского вина и, поставив бокал на столик, лениво смахнула с телефона заставку.

Новые фотографии на её страницах радовали всё меньшее количество посетителей. Это навредило скуку, которая через час ожидания очередного лайка превращалась в тоску и раздражение. Болезнь целого поколения превратилась в настоящую эпидемию, мировую пандемию ожидания популярности собственной персоны среди тысяч неизвестных виртуальных личностей. Всё больше пользователей готовы были на всё, только бы получить пару сотен лайков под очередной фотографией в примерочной модного бутика. Эта гонка за виртуальной любовью и восхищением напоминала разговор с зеркальцем: «Свет мой, зеркальце, скажи да всю правду доложи! Кто на свете всех милее, всех румяней и белее?».

Путь – понятие глубоко личное, если не принимать за него пути стандартизированных обществом потребления удовольствий. Где-то глубоко внутри человека горит искра, освещающая бетонное основание цивилизации городов. И в свете этого огня коробки многоэтажек кажутся жалким подобием жизни, втиснутой в квадратуру сверкающего мёртвым неоновым лабиринта. Сколько ни броди, упрёшься лишь в стену. Выход лежит далеко за пределами расчётных нагрузок оснований прорезающих небо остроконечных вершин бетонных клетушек «счастья». Но путь заканчивается в самой сердцевине цивилизации потребления, в точке, где комфорт перевешивает все остальные составляющие жизни.

– Ты знаешь, мой муж открыл новый проект. Ты можешь стать лицом журнала.

– Наташа, я не хочу сейчас быть лицом проекта. Прости, но мне интереснее наблюдать за теми вершинами гор, что торчат за окном, напоминая об ином мире.

– Это твоя обычная хандра, я знаю. Пройдёт час-другой – и после пары бокалов хорошего вина сердце оттаёт, а разум примет правильное реше-

ние. Не отталкивай от себя успех, иначе успех больше не придёт к тебе.

– А кто этот мужчина у барной стойки? – Марго показала на странного мужчину, одетого в белый льняной костюм.

– Да кто знает, подойди и спроси его самого.

Марго встала и направилась к незнакомцу. Время отстукивало секунды на циферблате каминных часов, висевших над хорошей репродукцией Яна Ван Эйка. Тонкие черты фламандских буржуа на картине отражали внутренний холод и рассеянную скуку. Пресыщенность и нищета, как два полюса одной жизни, раскачивали качели времени, одних отбрасывая в отчаяние, а другим подавая щедрой рукой скуку и всё то же отчаяние, но в одеждах римских патрициев. Никто не понимал ни ближнего, ни то, что случилось с миром, ни пути, прописанные на полотне дорог.

– Вы скучаете? – Марго давно предпочитала знакомиться первой, отбросив всякие страхи.

– Я наблюдаю за людьми – это очень интересно. Здесь можно встретить много интересных персонажей. Вы видите платок на шее у пожилой дамы у окна? В нём соединились воедино образ и материя. Причудливая фантазия художника сплела нити особым образом. Так и жизнь, попадая в руки мастера, становится полотном. За всем стоит труд. Или талант.

– А какой талант есть у вас?

– Я незаметен.

– Но ведь я вас вижу.

– Вы видите себя, как и все вокруг. Только себя. Мир так распределил роли, ставшие отражениями. Они замыкаются на того, кто наблюдает за игрой. Элементарный эгоизм.

– Странно вы начинаете знакомство!

– Ну, во-первых, вы первая подошли ко мне.

– А во-вторых?

– А во-вторых, мир давно перешёл рубикон дозволенного. Игра в улыбки подменила в мире подлинную теплоту. Но простите, мне пора идти!

– А как же я?

– А что вы? Вы заметили то, что хоть раз в жизни предчувствует каждый. Нет ничего необычного в мире одиночек. Странно, что человек, заглядывая за границы жизни в собственных мыслях, остаётся равнодушным к путям вечности, он просто не замечает их. Мир полон страдания, как пустыня песчинок. Но и приближаясь к краю времени, человек цепляется за красивое платье собственного тела, не понимая, что это лишь иллюзия, болезненная иллюзия бытия, отражённая во множестве зеркал моды. Вот и вы играете в отражения.

– А вы не тот, кто стоит на краю скалы?

– Я тот, кто услышал призыв. А вы видели его?

– О ком вы говорите?

– О стоящем у края земных путей.

– Вы так его называете?

– Его можно называть как угодно.

– Но кто он? – Маргарита попыталась улыбнуться, но привычная кокетливая улыбка не получилась.

– Неважно, кто смотрит на вас. Ваша жизнь зависит от чужой воли только тогда, когда вам не хватает разума или сил совершить собственный выбор и вы полагаетесь на предложенную заготовку. Время невозможно подогнать под определённую обиду, как и радость сделать универсальным правилом всеобщего обязательного хорошего настроения. Парадоксальная множественность путей не что иное, как единое начало выбора. Вы совершаете его всегда, только принимаете всё это за банальную игру в удовольствие. Или бессмысленное с вашей земной точки зрения страдание.

– Так что же мне делать?

– Только вы можете это понять, а поняв, пройти путь.

Незнакомец встал и направился к выходу, не оглядываясь. Марго нервно вздрогнула, ей хотелось оказаться в этот момент в далёком детстве, где привычная забота мамы набрасывала на реальность мягкий плед любви. Так было проще оттолкнуть от себя настоящее.

За окном загрохотало. Лавина скатилась с высоты, сровняв с землёй каждый бугорок снега. Ветер надрывно стучался в окна пятизвёздочного отеля, но постояльцы не ощущали сил воздушных потоков, как, впрочем, и зыбкости выдуманного ими постоянства счастья. В это мгновение миллионы лю-

дей плакали, но никто их не слышал. Время и пространство, выхваченные из единого потока цепким взглядом фокусника, оказались раскраской в руках иллюзиониста. Цвета непрерывно менялись, но уловить постоянство оказалось невозможным. Как, впрочем, и основу событийной палитры.

Марго в этот момент решила идти дорогой прямого оптимиста. Её никто не заставлял принимать мир во всей полноте его обмана, но подливка радости оказалась притягательней. И пусть неудачники пытаются обрести смысл в этой игре, она будет жить, убеждая себя в том, что всё и всегда зависит только от неё самой. Так проще. Так веселее.

Женщина решительно отвернулась от вида гор в окне любимого отеля. Улыбка заиграла на её губах, и, пленённая отражением самой себя на экране смартфона, она бросила уверенный взгляд в зал ресторана. Мир можно покорить, по крайней мере, этот мир, мир точно таких же улыбчивых и уверенных в себе потребителей отражений. Этот мир всегда будет у ног того, кто сильнее и хитрее. Зачем выдумывать иной мир, когда реальность податлива, как пластилин?

Лавина сошла, не оставив следов. Белоснежная явь вершин не прятала и не открывала дорог. Снег лишь покрывал уставшую землю сверкающим белым покрывалом, не пытаясь скрыть подлинного пути, который всегда проходил в глубине сердца. Но большинство его не замечали или просто пугались.

